

Книга зеркал

Автор:

Э. Чировици

Спящие псы

Э. О. Чировици

Азбука-бестселлер

Весной 2024 года в мировой и российский кинопрокат выходит фильм Адама Купера «Спящие псы» – долгожданная экранизация романа Эуджена Овидиу Чировици «Книга зеркал» (переведенного на 39 языков «самого яркого литературного дебюта 2017 года») с Расселом Кроу и Карен Гиллан в главных ролях.

Нью-йоркский литературный агент Питер Кац получает заявку на издание автобиографии под названием «Книга зеркал». К заявке приложено начало рукописи – некто Ричард Флинн вспоминает годы учебы в Принстоне, первую любовь, работу на знаменитого профессора психологии Джозефа Видера. Эти события 25-летней давности имели трагическую развязку, однако преступник остался не пойман и не разоблачен; теперь же Ричард вдруг увидел все происшедшее в ином свете, по-новому оценил роль своей бывшей возлюбленной Лоры Бейнс... но рукопись заканчивается на полуслове. Заинтригованный, Питер пытается заполучить остаток «Книги зеркал», однако рукопись оказывается такой же неуловимой, как правда о случившемся четверть века назад...

«Спящие псы» («Книга зеркал») – это роман-загадка в духе «Ночного кино» Мариши Пессл. Это книга о том, как воображение безотчетно подменяет реальность. Это книга о секретной власти историй – тех, которые мы рассказываем, тех, которые мы скрываем, и тех, ради сохранения которых в тайне мы готовы на все.

Э. О. Чировици

Спящие псы

Моей жене, Микаэле, за то, что она никогда не забывает, кто мы и откуда

Что – мы? что – не мы? Сон тени – Человек.

Пиндар. Пифийские песни. Ода 8 «Алкмеон» (Аристомену Эгинскому), строки 96–97. Перевод М. Л. Гаспарова

Человек часто бывает не самим собой, а кем-то другим.

Оскар Уайльд. Тюремная исповедь.

Перевод Р. Райт-Ковалевой, М. Ковалевой

E. O. Chirovici

THE BOOK OF MIRRORS

Copyright © 2017 by E. O. Chirovici

All rights reserved

Ранее роман издавался под названием «Книга зеркал».

© А. Питчер, перевод, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука

Часть первая

Питер Кац

Воспоминания – как пули. Одни пролетают мимо и только пугают. А другие впиваются в плоть и разрывают тебя в клочья.

Ричард Кадри. Убить мертвых

Заявку на публикацию я получил в январе, когда все сотрудники агентства еще маялись послепраздничным похмельем.

Электронное письмо ловко миновало папку со спамом и оказалось в папке входящих сообщений, затерявшись среди нескольких десятков других. Прочтенное мельком, оно меня все же чем-то зацепило. Я распечатал его вместе с приложенным отрывком рукописи, сложил листки в ящик стола и, отвлеченный неотложными делами, забыл о них до конца месяца. Перед длинным уик-эндом в День Мартина Лютера Кинга я снова наткнулся на заявку в кипе тех, с которыми собирался ознакомиться в выходные.

В письме за подписью Ричарда Флинна говорилось следующее:

Уважаемый Питер!

Меня зовут Ричард Флинн. Двадцать семь лет назад я был студентом факультета английской филологии в Принстоне. Я мечтал стать литератором, напечатал несколько рассказов и даже написал роман в сто тысяч слов, однако отчаялся его опубликовать, получив отказы от ряда издательств (сейчас роман мне представляется посредственным и скучным). После этого я устроился на работу

в небольшое рекламное агентство в Нью-Джерси, и моя карьера до сих пор связана с рекламой. Поначалу я внушал себе, что реклама – своего рода литературное творчество и что в один прекрасный день я вернусь к писательской деятельности. Разумеется, этого не случилось. По-моему, большинство из нас с возрастом приобретает злополучную способность запира́ть юношеские мечты в сейф и хоронить его на дне Ист-Ривер. Признаюсь, не избежал этой участи и я.

И все же несколько месяцев назад внезапное известие напомнило мне о ряде трагических событий, происшедших осенью и зимой 1987-го, в последний год моего обучения в Принстоне. Наверное, и с вами подобное случалось: вроде бы совершенно забываешь о чем-то или о ком-то, а потом вдруг оказывается, что эти воспоминания все время скрывались в каком-то тайнике сознания и до сих пор сохранили свежесть и непосредственность – будто открываешь чулан со всяким барахлом, ненароком сдвигаешь что-то на полке, а оттуда обрушивается целая лавина старья.

Вот и эта новость стала своего рода запалом; размышляя о скрытом в ней смысле, я сел за стол, начал переносить свои воспоминания на бумагу и остановился лишь после полуночи, написав не меньше пяти тысяч слов, как будто внезапно вспомнил о своем призвании, дотоле совершенно забытом. Я отправился в ванную почистить зубы перед сном, а из зеркала на меня смотрел кто-то другой.

Впервые за долгие годы я уснул без снотворного, а на следующий день взял в рекламном агентстве двухнедельный отпуск по болезни и продолжил писать.

Все события тех месяцев 1987 года, с необычайной отчетливостью возникшие перед мысленным взором, я воспринимал теперь ясно, в мельчайших подробностях. Разум, очнувшись от долгого оцепенения, воссоздавал яркие картины событий, участниками которых были Лора Бейнс, профессор Джозеф Видер и я сам.

Случившаяся трагедия в то время вызвала газетную шумиху. Из-за пристального внимания полицейских и журналистов мне пришлось оставить Принстон и завершить образование в Корнелле. Там, в скучной и пыльной Итаке, я провел два года, получив наконец степень магистра гуманитарных наук. Однако же никто не знал всей правды о событиях, навсегда изменивших мою жизнь.

Как упоминалось выше, правда стала мне известна всего три месяца назад, и я решил поведать ее миру, несмотря на горькую обиду и разочарование, гложущие меня до сих пор. Боль и гнев зачастую придают не меньше сил, чем любовь; плод моих трудов – эта рукопись, причинившая мне немало физических и душевных страданий. В соответствии с требованиями, изложенными на вашем веб-сайте, прилагаю ознакомительный отрывок; если он вас заинтересует, я готов представить полный текст под рабочим названием «Книга зеркал».

Пожалуй, на этом я прервусь, чтобы уложиться в требуемые пятьсот слов. О себе скажу лишь, что родился и вырос в Бруклине, не женат и бездетен – наверное, потому, что так и не смог забыть Лору. Мой брат Эдди живет в Филадельфии, но видимся мы редко. На поприще рекламы я не достиг особых успехов, но и провальной мою карьеру не назовешь; я влачу удручающе обыденное существование среди вавилонского столпотворения. За годы работы я дослужился до старшего копирайтера в агентстве средней руки на Манхэттене, неподалеку от Челси, где живу вот уже двадцать лет. Я не езжу в «порше», не заказываю люксы в пятизвездочных отелях, но и не тревожусь о завтрашнем дне, то есть денег мне хватает.

Благодарю за внимание. По возможности уведомите меня, заинтересовала ли вас рукопись. Адрес и телефон прилагаются.

С уважением,

Ричард Флинн

Далее следовал адрес – где-то рядом с вокзалом Пенн-стейшн. Район мне был хорошо знаком – я и сам там когда-то жил.

В целом заявка была необычной.

За пять лет работы в литературном агентстве «Бронсон и Мэттерс», где я начинал младшим помощником, мне довелось ознакомиться с сотнями, если не тысячами заявок от авторов. Агентство рассматривало любые заявки, но в основном поступавшие предложения были написаны неуклюже, безжизненно, стандартно, так что создавалось ощущение, будто автор обращается не к тебе лично, а рассылает типовые письма в сотни адресов, почерпнутых из реестра литературных агентов. Вдобавок многие заявки содержали избыточную,

бесплезную информацию. Письмо Ричарда Флинна выгодно отличалось от них: оно было продуманно, хорошо написано, и от него веяло человеческой теплотой. Он не упоминал, что связался только со мной, но отчего-то хотелось думать, что по какой-то лишь ему ведомой причине он обратился именно ко мне.

Я невольно проникся необъяснимой симпатией к автору письма и, надеясь, что рукопись мне понравится, полагал, что смогу дать положительный ответ. Я отложил остальные рукописи, заварил кофе, уселся на диван в гостиной и начал читать присланный отрывок.

Глава первая

Для большинства американцев 1987-й был годом невиданного взлета и неожиданного крушения фондового рынка, годом Ирангейта[1 - Ирангейт, скандал Иран-контрас, - политический скандал в США в середине 1980-х гг., связанный с участием администрации США в тайных поставках оружия в Иран и финансированием никарагуанских повстанцев-контрас. Расследование велось с ноября 1986 г. по июль 1993 г. и завершилось публикацией отчета в январе 1994 г.], пошатнувшего репутацию Рональда Рейгана, и годом, когда мыльная опера «Дерзкие и красивые» заполонила экраны телевизоров. В 1987 году я впервые влюбился - и впервые поверил в существование дьявола.

Вот уже три года я учился в Принстоне, где жил в уродливом старом доме на Байард-стрит, между библиотекой богословской семинарии и музеем изящных искусств. Первый этаж занимала гостиная, смежная с кухней, а на втором этаже размещались две просторные спальни, каждая со своей ванной комнатой. От дома до Маккош-Холла, где проводились лекции и семинары по английской литературе, было двадцать минут ходу.

Однажды в октябре я вернулся домой и, к своему невероятному удивлению, обнаружил на кухне высокую стройную девушку с длинными белокурыми волосами, разделенными на прямой пробор. Она приветливо взглянула на меня сквозь стекла очков в широкой оправе, придававших ей одновременно и суровый, и сексапильный вид, и продолжила безуспешные попытки выдавить горчицу из тюбика, не замечая, что отверстие запечатано фольгой. Я отвинтил крышку, скovyрнул фольгу и вернул тюбик незнакомке, которая тут же

размазала густую желтую массу по толстой, только что отваренной сосиске.

– Спасибо, – произнесла девушка, нисколько не смущаясь говора, характерного для уроженцев Среднего Запада. – Хочешь?

– Нет, спасибо. Кстати, меня зовут Ричард Флинн. А ты – моя новая соседка?

Кивнув, она торопливо прожевала кусок сосиски, проглотила и ответила:

– Лора Бейнс. Приятно познакомиться. Слушай, а тот тип, который прежде здесь жил, – он что, ручного скунса держал? Вонь такая, что волосы кудрями завиваются. Ну, я все равно буду все перекрашивать. Да, и с титаном что? Я полчаса ждала, пока вода нагреется.

– Он курил, – объяснил я. – В смысле мой прежний сосед, не титан. И не только табак. А потом взял академический отпуск и уехал домой. Хорошо, что хозяйка не потребовала с него арендной платы за весь год. А с титаном три водопроводчика боролись, но так и не починили. Ну, надежда умирает последней...

– Скатертью дорожка, – сказала Лора, обращаясь к уехавшему жильцу, а потом кивнула на микроволновку в углу. – Я попкорна сейчас сделаю, а потом телевизор посмотрю – по Си-эн-эн Джессикику будут показывать.

– Джессика – это кто?

Тренькнул звоночек микроволновки, давая знать, что горячий попкорн пора пересыпать в большую стеклянную миску, которую Лора достала из шкафчика над мойкой.

– Джессика Маклюр[2 - Джессика Маклюр Моралес (р. 1986) упала в колодец вентиляционной шахты 14 октября 1987 г.; операция по спасению ребенка длилась почти двое суток и непрерывно транслировалась по новостному каналу Си-эн-эн.] – девчушка, которая в колодец упала, в Техасе, – объяснила она, протяжно выговаривая гласные. – По Си-эн-эн в прямом эфире спасательные работы. Не слышал, что ли? Все только об этом и говорят.

Лора пересыпала попкорн в миску и поманила меня за собой в гостиную.

Мы уселись на диван, и Лора включила телевизор. Уставившись на экран, мы молча следили за происходящим. Стоял теплый октябрь, дождей почти не было. За окнами сгущались тихие сумерки. Близ церкви Святой Троицы загадочно темнел парк.

Лора доела сосиску, рассеянно зачерпнула горсть попкорна. Обо мне она словно бы забыла. На экране какой-то инженер-строитель объяснял репортеру, как продвигается рытье параллельной шахты, по которой спасатели спустятся под землю и вытащат ребенка. Лора скинула шлепанцы, подобрала ноги под себя. Ногти на пальцах ног были выкрашены пурпурным лаком.

– А ты что изучаешь? – наконец спросил я.

– Психологию, – ответила она, не отрывая взгляда от экрана. – Второй диплом. Первый в Чикагском университете получила, по математике. А родилась и выросла в Эванстоне, штат Иллинойс – ну, там, где все табак жуют и кресты палят, знаешь?

Я сообразил, что она на пару лет старше, и несколько напрягся – в юности даже небольшая разница в возрасте кажется огромной.

– А я-то думал, что это только в Миссисипи. Нет, в Иллинойс меня не заносило – я родился и вырос в Бруклине, а на Среднем Западе только раз бывал. Мне лет пятнадцать было, мы с отцом поехали рыбачить в Миссури, на плато Озарк. И в Сент-Луис проездом заглянули. А почему тебя после математики на психологию потянуло?

– Ну, меня в школе гением считали, – сказала Лора. – В старших классах я все время на математических олимпиадах выигрывала, даже на международных, а к двадцати одному году получила диплом магистра. Мне аспирантуру предлагали, но я от всех грантов отказалась и приехала в Принстон психологию изучать. А первый диплом помог мне получить место в исследовательской программе.

– Здо?рово. Только я не об этом спрашиваю.

– Потерпи, узнаешь. – Она стряхнула попкорновые крошки с футболки.

Я хорошо помню, что на Лоре были джинсы – варенки с zipperами, по тогдашней моде, – и белая футболка.

Лора подошла к холодильнику за банкой кока-колы, спросила, не принести ли и мне, открыла обе банки, воткнула в них соломинки и вернулась на диван.

– Летом, сразу после выпуска, я влюбилась в парня из Эванстона, он домой на каникулы приехал из Массачусетского технологического института, компьютеры там изучал. Симпатичный такой, умный. Джон Финдли. Он меня на два года старше, мы по школе друг друга смутно помнили. А через месяц его у меня увели. Джулия Крейг, тупая как пробка, из тех мартышек, что два десятка слов затвердили, ноги научились брить и с вилкой и ножом обращаться. Так вот, меня осенило, что в интегралах и уравнениях я разбираюсь, но совершенно не понимаю мыслительный процесс людей вообще и мужчин в частности. Ну, для того чтобы не провести всю оставшуюся жизнь в обществе кошек, морских свинок и попугайчиков, я и решила поступить на факультет психологии, потому и приехала в Принстон. Поначалу мама отговорить меня пыталась, хотя хорошо знает, что я скорее на помеле летать выучусь, чем свое решение изменю. Вот, сейчас я на последнем курсе и нисколечко не жалею.

– И я на последнем курсе. Так ты разобралась, в чем хотела? – спросил я. – В смысле, мыслительный процесс мужчин изучила?

Она, в первый раз взглянув мне в глаза, ответила:

– Не знаю. Впрочем, каких-то успехов добилась. Джон со своей годзиллой расстался через пару недель, только я на его звонки не отвечала, хотя он несколько месяцев названивал. Наверное, я слишком переборчивая.

Она допила кока-колу и поставила жестянку на стол.

Мы смотрели телевизор, где все еще показывали операцию по спасению девчушки из Техаса, болтали почти до полуночи, пили кофе, иногда выходили в сад покурить «Мальборо» – сигареты Лора принесла из своей спальни. Я помог Лоре перетащить вещи из багажника старенького «хендая», запаркованного в гараже, и собрать платяной шкаф.

Лора оказалась очень милой, веселой и весьма начитанной. Я достиг того возраста, когда в молодых людях безудержно играют гормоны. Девушки у меня не было, а секса хотелось ужасно, однако я хорошо помню, что даже не мечтал заманить Лору в постель. Я считал, что у нее наверняка есть парень, хотя мы с ней об этом не говорили. Впрочем, мысль о том, что моей соседкой по дому стала девушка, будоражила воображение; внезапно я получил возможность прикоснуться к женским тайнам.

* * *

На самом деле в университете мне совсем не нравилось, очень хотелось поскорее получить диплом и уехать.

Я родился и вырос в Бруклине, в Вильямсбурге, рядом с Гранд-стрит, где в то время жилье стоило гораздо дешевле, чем сейчас. Мама была школьной учительницей, преподавала историю в одной из школ Бедфорд-Стейвесанта, а папа работал фельдшером в больнице округа Кингс. Хотя по происхождению я и не из рабочей семьи, из-за района, в котором мы жили, я полагал, что родители – из синих воротничков.

Детство мое прошло безбедно, семья не нищенствовала, хотя родители и не могли позволить себе особой роскоши. В многоязычной среде Бруклина я чувствовал себя как рыба в воде. Семидесятые годы были трудным временем для Нью-Йорка; помнится, многие жили впроголодь, а преступность цвела пышным цветом.

В Принстоне я вступил в несколько студенческих обществ и в один из знаменитых трапезных клубов на Проспект-авеню, часто встречался с членами братства Треугольника – актерами-любителями.

Несколько своих рассказов, написанных перед окончанием школы, я представил на суд литературного кружка с пафосным названием. Кружком руководил относительно известный писатель, которого тогда пригласили читать курс лекций. Участники кружка, как могли, издевались над английским, сочиняя бессмысленные поэмы; как только выяснилось, что мои рассказы были классическими по форме и содержанию, а вдохновение я черпал в произведениях Хемингуэя и Стейнбека, меня объявили моральным уродом. В

общем, год спустя все свободное время я проводил в библиотеке или дома, в одиночестве.

Принстонские студенты по большей части были выходцами из семейств среднего класса, с Восточного побережья. Их родители, напуганные шестидесятыми, когда весь мир как будто перевернулся, воспитывали своих отпрысков так, чтобы не допустить повторения недавних безумств. И так, в шестидесятые была музыка, марши протеста, лето любви, эксперименты с наркотиками, Вудстокский рок-фестиваль и противозачаточные средства. В семидесятые – конец кошмарной войны во Вьетнаме, расцвет дискотек, клеши и освобождение от расовых предрассудков. Восьмидесятые же казались мне совершенно непримечательным временем; ничего не происходило, мое поколение опоздало на нужный поезд. Рональд Рейган, как хитрый старый шаман, вызвал к жизни дух пятидесятых, замутняя сознание нации. Деньги сметали с пьедесталов всех богов, готовясь к победному шествию по стране, а улыбчивые златокудрые херувимы в стетсонах набекрень распевали гимны, восхваляя свободу частного предпринимательства: «Молодец, Ронни! Так держать!»

Принстонские студенты, как по мне, были снобами и конформистами, хотя и старались изо всех сил выглядеть бунтовщиками, дабы соответствовать традиционному образу Лиги плюща, сложившемуся в предыдущие десятилетия. Принстон всегда славился своими традициями, но мне они казались нелепым притворством – время лишило их всякого смысла.

Преподавателей я считал посредственностями и неудачниками, которые больше всего на свете боялись потерять свои важные посты. Те студенты, которые изображали из себя марксистов и революционеров, хотя и жили припеваючи на родительские денежки, не расставались с толстенным томом «Капитала», а те, кто именовал себя консерваторами, вели себя с важностью потомков того самого пилигрима на «Мейфлауэре», который, сидя на высокой мачте, первым крикнул: «Земля!» Для первых я был представителем мелкой буржуазии, которую надо презирать как класс и топтать все соответствующие моральные ценности, а для вторых – бруклинским нищевродом, который каким-то образом проник на священную землю принстонского кампуса, преследуя сомнительные и наверняка порочные цели. В общем, Принстон казался мне местом, населенным чванными роботами, говорящими с бостонским акцентом.

Вполне возможно, что все это существовало лишь в моем воображении. Решение стать писателем я принял еще в школе и постепенно составил мрачное и скептическое представление об окружающем меня мире с неоценимой помощью Кормака Маккарти, Пола Остера и Дона Делилло. Меня не покидала уверенность в том, что настоящий писатель должен быть разочарованным в жизни одиночкой, однако при этом исправно получать огромные гонорары и отдыхать в роскошных европейских отелях. Я говорил себе, что если бы Сатана не поразил Иова проказою лютою и не усадил бы его на гноилице, то человечество лишилось бы шедевра мировой литературы.

Стараясь проводить как можно меньше времени на кампусе, по выходным я уезжал в Нью-Йорк. Там я бродил по букинистическим магазинчикам Верхнего Ист-Сайда, смотрел спектакли в крошечных театрах Челси, ходил на концерты Билла Фризелла, Сесила Тейлора и Sonic Youth[3 - Билл Фризелл (р. 1951) – американский гитарист, композитор и аранжировщик, работающий в различных стилях, от классики и джаза до прогрессивного фолка и кантри. Сесил Тейлор (р. 1929) – американский пианист и поэт, один из основоположников фри-джаза. Sonic Youth – нью-йоркская группа экспериментального и шумового рока, основанная в 1981 г.] в клубе «The Knitting Factory», недавно открывшемся на Хьюстон-стрит. Я часто сидел в кафе на Миртл-авеню или же, перейдя по мосту в Нижний Ист-Сайд, обедал с родителями и младшим братом Эдди, в то время еще старшеклассником, в одном из местных ресторанчиков, где все друг друга знали.

Экзамены я сдал без особого труда, хоть и не с блестящими результатами, но с хорошими оценками – это ни у кого не вызывало нареканий и оставляло мне время для литературного труда. Я написал десятки рассказов и начал роман – впрочем, дальше первых глав так и не продвинулся. Я печатал свои творения на стареньком «ремингтоне», который папа нашел на чердаке, отремонтировал и подарил мне в день отъезда в колледж. После многократного перечитывания и правки написанное обычно отправлялось в корзину для бумаг. Слово шимпанзе, восхищенно взирающий на женщину в красном платье[4 - «Макс, любовь моя» (Max, Mon Amour) – фильм о любви жены английского дипломата к шимпанзе по кличке Макс, снятый в 1986 г. режиссером Нагисой Осима и представленный на Каннском кинофестивале.], я бессознательно подражал своим любимым авторам.

В силу разных причин наркотиками я не увлекался. Травку я впервые попробовал в четырнадцать лет, на экскурсии в ботанический сад. Мой одноклассник,

Мартин, принес два косячка, и мы с приятелями выкурили их на шестерых в укромном уголке, с восторгом представляя, что погружаемся в мутные воды преступного мира. В старших классах я еще пару раз курил марихуану и напивался дешевым пивом на вечеринках в каких-то притонах на Дриггс-авеню, но, к облегчению родителей, не испытывал удовольствия ни от наркотиков, ни от выпивки. В семидесятые те, кто сворачивал на кривую дорожку, о приличной работе не мечтали – обычно они умирали либо от ножа в переулке, либо от передоза. В школе я учился прилежно, окончил на «отлично», и меня были готовы зачислить и в Корнеллский, и в Принстонский университеты. Я выбрал Принстон – тогда он считался более прогрессивным.

* * *

В те годы на телевидении еще не было бесконечной череды передач, где бездарностей заставляют петь, сносить оскорбления вульгарных ведущих или забираться в бассейны, полные змей. Американские программы телевизионного вещания тогда еще не превратились в повесть, рассказанную дураком, где много и шума, и страстей, но смысла нет[5 - У. Шекспир. Макбет. Акт V, сцена 5 (перев. М. Лозинского).]. Однако меня не интересовали ни лицемерные политические дебаты, ни дурацкие шутки, ни глупые фильмы о глянцевых подростках. Немногие достойные репортеры и продюсеры, которые удержались в телестудиях с шестидесятых и семидесятых годов, теперь казались древними динозаврами, наконец-то заметившими метеорит, что грозил стереть их с лица земли.

Как выяснилось, Лора любила по вечерам смотреть дурацкие телепередачи, утверждая, что таким образом ее мозг расслабляется, позволяя переработать, систематизировать и сохранить всю информацию, накопленную за день. Так что осенью 1987 года от Рождества Христова я с мазохистским удовольствием проводил много времени перед телевизором: мы с Лорой, сидя на диване, обсуждали ток-шоу, новости и мыльные оперы, как два брызги в ложе театра маппетов[6 - Статлер и Уолдорф, персонажи юмористической телепрограммы «The Muppet Show» (1976–1981).].

О профессоре Джозефе Видере она рассказала мне не сразу и только к Хеллоуину призналась, что с ним знакома. В те годы Видер был одним из самых известных профессоров, преподававших в Принстоне, и его считали своего рода Прометеем, раскрывшим человечеству тайну огня. Мы с Лорой

смотрели ток-шоу Ларри Кинга[7 - «Larry King Live» – популярная телепрограмма на канале Си-эн-эн с 1985 по 2010 г.; в каждом выпуске ведущий, Ларри Кинг, брал интервью в прямом эфире у видных политиков, бизнесменов, актеров и прочих знаменитостей.], куда Видера пригласили поговорить о наркомании: за день до передачи в лесу близ города Юджин, штат Орегон, от передоза умерли трое молодых людей. Выяснилось, что профессор Видер был, по выражению Лоры, ее «хорошим другом».

К тому времени я, сам о том не догадываясь, уже в нее влюбился.

Глава вторая

Последующие недели стали счастливейшими в моей жизни.

Лекции по психологии читались в Грин-Холле, всего в нескольких минутах ходьбы от Маккош-Холла и Дикинсон-Холла, где проходили лекции и семинары по английской литературе, так что мы с Лорой много времени проводили вместе – в Файерстоунской библиотеке, по дороге домой мимо стадиона, в Музее искусств или в одном из многочисленных кафе по соседству, а иногда даже уезжали на поезде в Нью-Йорк, ходили в кино, смотрели «Грязные танцы», «Космобольцев» и «Неприкасаемых».

На факультете психологии у Лоры было много друзей. С некоторыми она меня познакомила, но в основном предпочитала проводить время со мной. Наши музыкальные вкусы различались: она любила тогдашних новомодных исполнителей – Лайонела Ричи, Джорджа Майкла и Fleetwood Mac, но терпеливо слушала и мои диски – джаз и альтернативный рок.

Иногда мы сидели и болтали до самого утра, подбадриваемые кофе и сигаретами, а потом, вздремнув часок-другой, полусонными отправлялись на лекции. Свою машину Лора водила редко, мы оба любили ходить пешком или ездить на велосипедах. Когда ей не хотелось смотреть телевизор, она включала игровую приставку NES и мы гоняли по экрану уточек или рыбку Бабблс в игре «Клу-клу-ленд».

Однажды, когда мы играли уже несколько часов, Лора сказала:

– Ричард... – (Она никогда не называла меня Ричи или Диком.) – А знаешь, что мы, в смысле наш мозг, по большей части не отличаем вымысел от действительности? Поэтому мы и способны рыдать и смеяться над фильмами, хотя прекрасно знаем, что перед нами – всего лишь представление, что вся история выдумана писателем. Без этого «изъяна» мы ничем не отличались бы от РОБов.

РОБом называли игрушечного робота, изобретенного японцами для развлечения одиноких подростков. Лора мечтала обзавестись такой игрушкой, назвать ее Армандом и научить подавать кофе в постель или покупать цветы, чтобы поднять хозяйке настроение. Ей было невдомек, что я без всякого обучения был готов делать для нее все это – и многое другое.

* * *

Что такое боль, понимаешь лишь тогда, когда уязвлен так глубоко, что все остальные обиды и огорчения представляются пустяковыми царапинами. За полгода до начала нового семестра, ранней весной, невзгоды моей студенческой жизни в Принстоне затмила горькая утрата – скончался мой отец.

Он умер на работе – от инфаркта, почти мгновенно. Не помогло даже своевременное вмешательство коллег: он скончался спустя час, после того как упал в вестибюле хирургического отделения на третьем этаже больницы. Пока мама оформляла все необходимые документы, мой брат сообщил мне горестную весть по телефону.

Первым же поездом я приехал домой, где уже собрались родственники, друзья и соседи. Отца похоронили на кладбище «Эвергрин», а вскоре, в начале лета, мама решила вместе с Эдди переселиться в Филадельфию, где жила ее младшая сестра, Корнелия. В последующие недели я с ужасом осознал, что все, связывавшее меня с детством, безвозвратно исчезнет и я больше никогда не войду в трехкомнатную квартиру, где провел всю свою жизнь.

Я и прежде подозревал, что мама не любит Бруклин и что она согласилась жить там только ради отца. Мама была женщиной, склонной к меланхолии, и не

расставалась с книгами – сказывалось воспитание, полученное в доме ее отца, Рейнхардта Кнопфа, немца по происхождению и лютеранского пастора. Мой дед, высокий суровый старик, жил в Квинсе, в безукоризненно чистом доме с крошечным задним двориком. Даже трава на лужайках выглядела тщательно причесанной. Моя бабушка, мамина мама, умерла при рождении Корнелии. Новой женой дед не обзавелся и воспитывал двух дочерей в одиночку.

Он умер от рака, когда мне было десять лет, но до его смерти мама иногда заводила разговор о переезде в Квинс – в чистое, приличное место, как она его называла, – чтобы быть поближе к отцу. Увы, все ее просьбы были напрасны: отец мой, Майкл Флинн, упрямый ирландец, коренной уроженец Бруклина, наотрез отказывался сниматься с насиженного места.

Так что мой отъезд в Принстон и начало обучения в колледже совпало с переездом матери и брата в Филадельфию. К моменту нашей встречи с Лорой до меня только начало доходить, что в Бруклин я теперь смогу приезжать лишь как гость. Я чувствовал себя ограбленным до нитки. Все мои вещи перевезли в Филадельфию, в трехкомнатную квартиру на Джефферсон-авеню, у центрального вокзала. Я навестил родных вскоре после переезда и сразу же понял, что эта квартира никогда не станет мне домом. Вдобавок доходы семьи резко сократились. Мои скромные успехи в учебе не давали мне права на стипендию, поэтому для оплаты обучения пришлось подрабатывать.

Отец умер так неожиданно, что я не мог привыкнуть к этой мысли и постоянно думал о нем как о живом. Присутствие тех, кого нет с нами, часто ощущается острее. В память о них – тех, какими их помним, – мы делаем именно то, чего они безуспешно добивались от нас при жизни. Смерть отца заставила меня сильнее осознать ответственность за свое поведение и не воспарять над повседневностью. Живые, постоянно ошибаясь, быстро наделяют усопших ореолом непогрешимости.

Итак, моя дружба с Лорой завязалась в то время, когда я чувствовал себя очень одиноким, и ее присутствие стало для меня необычайно важным.

* * *

За две недели до Дня благодарения погода ухудшилась. Примерно тогда Лора и предложила познакомить меня с профессором Видером. Он был научным

руководителем исследовательского проекта, по материалам которого Лора собиралась писать докторскую диссертацию.

Лора изучала когнитивную психологию, новую в то время область науки, – компьютеры завоевывали все больше и больше места в жизни людей, и термин «искусственный интеллект» был у всех на устах. Многие искренне считали, что лет через десять мы будем вести содержательные беседы с тостерами и обращаться за советами к стиральным машинам.

Лора рассказывала о своих исследованиях, но я мало что в них понимал и с эгоизмом, свойственным молодым людям, не пытался в них разобраться. Я узнал, что профессор Видер, получивший образование в Европе и защитивший докторскую диссертацию по психиатрии в Кембриджском университете, сейчас завершал работу над важным исследованием. Лора говорила, что результаты этого исследования выведут на качественно иной уровень наше представление о работе человеческого мозга, о его реакции на умственные раздражители. Из рассказов Лоры я понял лишь, что это имеет какое-то отношение к памяти и к тому, как формируются воспоминания. Лора утверждала, что ее познания в математике стали огромным подспорьем Видеру: точные науки всегда были его ахиллесовой пятой, а его исследования опирались на математические формулы для расчета переменных.

Вечер моей первой встречи с Видером навсегда остался в моей памяти, хотя и по несколько иной причине.

Однажды в середине ноября, в субботу, мы, вытряхнув из карманов последние деньги, купили бутылку «Кот-дю-рон руж» (его очень нахваливал продавец) и отправились в гости к профессору. Он жил в Западном Виндзоре, и Лора решила, что туда лучше поехать на машине.

Двадцать минут спустя мы припарковались у особняка в стиле королевы Анны, окруженного невысокой стеной, на берегу небольшого озера, загадочно поблескивавшего в сумерках. За распахнутыми воротами простирался ухоженный газон, обсаженный кустами роз и ежевики; его пересекала дорожка, усыпанная гравием. Слева на лужайке рос огромный дуб, безлистая крона которого нависала над черепичной крышей особняка.

Лора позвонила в дверь, и на порог вышел высокий, крепко сбитый мужчина – почти лысый, с окладистой седой бородой, спускавшейся на грудь. Джинсы, кроссовки и зеленая футболка «Тимберленд» с закатанными до локтя рукавами делали его похожим на футбольного тренера, а не на знаменитого университетского профессора, который собирался всколыхнуть мир науки своими открытиями. Профессор Видер держался как человек, уверенный в своей правоте.

Он крепко пожал мне руку и расцеловал Лору в обе щеки.

– Рад знакомству, Ричард, – сказал он неожиданно молодым голосом. – Лора мне о вас рассказывала.

В просторной прихожей с высоким потолком и картинами на стенах мы повесили пальто на вешалку, а профессор продолжил:

– Обычно она весьма язвительно отзывается о своих знакомых, но о вас я слышу от нее только хорошее. Мне очень хотелось с вами познакомиться. Проходите, проходите.

Мы вошли в огромную двухуровневую комнату; один ее конец занимала открытая кухня с гигантским рабочим столом посередине, над которым были развешаны медные кастрюли и сковороды. У западной стены стоял еще один стол, письменный, с бронзовыми ручками и петлями, заваленный бумагами, книгами и карандашами; к нему было придвинуто кожаное кресло.

Аппетитный запах еды смешивался с ароматом табачного дыма. Мы уселись на диван, обтянутый тканью с восточным рисунком, и профессор вручил нам по бокалу джина с тоником, объявив, что принесенное нами вино прибережет для ужина.

Среди роскошного убранства я чувствовал себя неловко – в доме, как в музее, было много картин, бронзовых статуй и антиквариата. До блеска натертые полы были устланы ковриками ручной работы. В таких домах мне прежде бывать не доводилось.

Профессор налил себе скотча с содовой и, усевшись в кресло напротив дивана, прикурил сигарету.

– Ричард, дом я купил пять лет назад и два года потратил на то, чтобы привести его в порядок. На месте озера было затхлое болото с комарами. А теперь мой приятель, который в недвижимости разбирается, уверяет, что стоимость особняка удвоилась.

– Ничего себе, – сказал я.

– Я потом вам библиотеку покажу, на втором этаже. Вот ею я больше всего горжусь, все остальное – пустяки. Надеюсь, вы ко мне еще придете. Я иногда устраиваю субботние вечеринки – ничего особенного, так, посиделки с друзьями и коллегами. Ну и в последнюю пятницу месяца играю в покер с приятелями – по маленькой, так что вам разорение не грозит.

С полчаса прошло в непринужденной беседе, и к тому времени, как мы сели ужинать (Видер приготовил спагетти-болоньезе, по рецепту итальянского коллеги), все мое смущение исчезло, – казалось, мы уже давно знакомы.

Лора почти не принимала участия в разговоре: она подавала еду, а после ужина убрала со стола и загрузила посудомойку. К Видеру она обращалась запросто, по имени – Джо. Видно было, что в роли хозяйки она выступает не в первый раз. Тем временем профессор разглагольствовал на всевозможные темы, куря одну сигарету за другой и сопровождая свои речи убедительными жестами.

Я на минуту задумался о характере отношений, связывающих Лору с Видером, но в конце концов сказал себе, что это не мое дело – в то время я и не предполагал, что их близость не просто дружеская.

Видер похвалил принесенное нами вино и начал подробный рассказ о французских виноградниках и правилах сервировки вина в зависимости от сорта винограда. Слова его звучали вполне естественно, не напыщенно. Потом он сказал, что в молодости несколько лет жил в Париже, изучал психиатрию в Сорбонне, получил там степень магистра, а потом переехал в Англию, где защитил докторскую диссертацию и опубликовал свою первую книгу.

Немного погодя он вышел из-за стола, принес откуда-то из глубин дома еще одну бутылку французского вина, и мы распили ее вдвоем. Свой первый бокал Лора так и не допила, объяснив профессору, что она за рулем. Она слушала

наши разговоры и смотрела на нас благосклонным взглядом, как нянька, довольная тем, что ее подопечные не дерутся и не ломают игрушки.

Помнится, беседа с профессором была весьма хаотичной. Он говорил много, с ловкостью фокусника менял тему и высказывал мнение обо всем – от матчей «Нью-Йорк джайентс» до русской литературы девятнадцатого века. По правде сказать, его эрудиция меня изумила – видно было, что он много читал и что с возрастом не утратил интеллектуального любопытства (для юноши, которому недавно исполнилось двадцать, пятидесятилетний мужчина представлялся стариком). Однако в то же время складывалось впечатление, что он, как добросовестный миссионер, взвалил на себя нелегкую задачу обучения аборигенов, хотя и не был высокого мнения об умственных способностях своих подопечных. Он словно бы вел дискуссию Сократовым методом, но прежде, чем я успеваю ответить на вопрос, сам давал ответ, а потом приводил встречные доводы, опровергающие все, сказанное ранее.

В сущности, я вспоминаю эту беседу как бесконечный монолог. Спустя пару часов мне почудилось, что Видер не умолкнет даже после того, как мы уйдем.

Телефон в прихожей несколько раз звонил. Видер, извинившись, на звонки отвечал, но разговор прекращал очень быстро, за единственным исключением, когда, понизив голос, чтобы не слышно было в гостиной, что-то долго обсуждал с собеседником – что именно, я не разобрал, но в голосе профессора явственно слышалось раздражение.

В гостиную Видер вернулся весьма недовольным и сердито сказал Лоре:

– Они там с ума все посходили! Как можно просить ученого о таких вещах?! Им дай палец – всю руку откусят. Нет, зря я согласился с этими болванами сотрудничать!

Лора, ничего не ответив, скрылась в глубине дома. Пока я раздумывал, кто так рассердил профессора, он принес еще одну бутылку вина. После того как мы распили и ее, он, словно позабыв о неприятном телефонном звонке, шутливо заявил, что настоящие мужчины пьют только виски. Немного погодя он принес откуда-то бутылку «Лагавулина» и миску со льдом. Когда бутылка наполовину опустела, он передумал и сказал, что начало прекрасной дружбы[8 - Заключительная реплика Рика Блейна (Хамфри Богарт) в фильме «Касабланка»

(1942).] лучше всего отметить водкой.

Я понял, что выпил слишком много, лишь когда встал с дивана, чтобы пойти в туалет – сдерживаться больше не было сил. Однако ноги меня не слушались, и я едва не растянулся на полу. От спиртного я обычно не отказывался, но прежде до такой степени не напивался. Видер смотрел на меня, как на забавного щенка.

В ванной я взглянул в зеркало над раковиной и, обнаружив, что на меня смотрят две знакомые физиономии, не удержался от смеха. В коридоре я вспомнил, что забыл вымыть руки, и снова направился в ванную, где едва не обварился горячей водой.

Лора, вернувшись, пристально посмотрела на нас и сварила кофе. Я украдкой поглядывал на профессора, пытаюсь сообразить, сильно ли он опьянел, а он, как нарочно, выглядел трезвым, будто я пил в одиночестве. А когда выяснилось, что у меня заплетается язык, я вообще ощутил себя жертвой глупого розыгрыша. Я выкурил слишком много сигарет, грудь сдавило. По гостиной призраками кружили клубы дыма, хотя все окна были распахнуты.

Мы болтали еще около часа, но пили уже только кофе и воду, а потом Лора подала знак, что пора уходить. Видер проводил нас к машине, попрощался и еще раз повторил, что ждет меня в гости.

Лора вывела машину на Колониал-авеню, к ночи опустевшую.

– Ну и профессор! – сказал я. – Классный тип и выпить не дурак. Не, ну ты видела, сколько мы накатали? А он как стеклышко...

– Может, он таблетку какую заранее принял, – ответила Лора. – Обычно он столько не пьет. А ты не психолог, поэтому не сообразил, что он о тебе все выведал, а о себе ни слова не сказал.

– Он много чего о себе рассказал, – возразил я, мечтая, чтобы Лора остановила машину: очень хотелось проблеваться на обочине; голова кружилась, я насквозь пропах вином.

– Он тебе рассказал только общедоступные сведения, из тех, что на обложках пишут, – отрезала она. – А вот ты сообщил ему, что боишься змей и что тебя в четырехлетнем возрасте едва не изнасиловал сосед, а отец твой, узнав об этом, избил подонка до полусмерти. Это очень личная информация.

– Я ему все это рассказал? Когда? Не помню...

– Он любит в чужих головах ковыряться, исследовать их, будто дом осматривать. И это не просто профессиональный интерес, а какое-то патологическое любопытство. Сдерживать его он не умеет. Наверное, именно поэтому он согласился возглавить программу, кото...

Лора оборвала себя на полуслове.

Я не стал расспрашивать, что она скрывает, и открыл окно, чувствуя, как развеивается хмель. Бледный месяц сиял в небесах.

В ту ночь мы стали любовниками.

Это случилось просто, без долгих лицемерных разговоров о том, как бы, мол, не разрушить нашу дружбу. Лора завела машину в гараж, мы немного постояли во дворе, омытом золотистым светом уличного фонаря, молча выкурили по сигарете. Когда мы вошли в дом и я потянулся к выключателю в гостиной, Лора взяла меня за руку и увела в спальню.

* * *

Весь следующий день, воскресенье, мы не покидали спальни, но почти не разговаривали, открывая друг друга в любовных ласках. Вечером мы пошли в кафе на Линкольн-стрит, где съели по сэндвичу, а потом дотемна гуляли в парке. Я и прежде говорил Лоре, что хочу найти работу, и теперь упомянул об этом снова. Она сразу же предложила поработать с Видером – ему требовался помощник, чтобы навести порядок в библиотеке, о которой я слышал предыдущим вечером, но пока не видел.

– Думаешь, он меня возьмет? – удивился я.

– Я уже с ним об этом говорила, поэтому он и захотел с тобой встретиться. Разумеется, как настоящие мужчины, это вы с ним обсудить не успели. По моему, ты ему понравился, так что вряд ли он откажет.

Я пока не понимал, нравился ли профессор мне самому, но ответил:

– Что ж, тогда ладно.

Она поцеловала меня. На левой ключице, над самой грудью, темнела крупная родинка размером с четвертак. В тот день я изучил все отметины на загорелой коже Лоры, словно бы хотел запомнить их на всю жизнь. Лорины лодыжки были необычайно стройны, а пальцы на ногах длинные – она называла их «баскетболистами».

В те дни любовные связи заводили с быстротой обслуживания в закусовых, так что я не был исключением из правил. Невинность я утратил в пятнадцать лет в спальне, украшенной постером с изображением Майкла Джексона. Моей партнершей стала некая Джоэль, на два года меня старше, – она жила через две улицы, на Фултон-стрит. В последующие годы случайных связей у меня было много, а пару раз я даже воображал, что влюбился.

Однако в тот вечер я понял свою ошибку. Да, я и прежде чувствовал влечение, страсть или привязанность, но с Лорой все было иначе – я хотел быть рядом с ней ежеминутно, ежесекундно. Наверное, уже тогда я смутно осознавал, что наша связь будет недолгой, и потому торопился запомнить как можно больше, чтобы хватило на целую жизнь.

Глава третья

В следующие выходные я начал разбирать Видерову библиотеку. В профессорский особняк я приехал автобусом, от остановки у церкви Троицы. Мы посидели на скамье у озера, выпили пива, и профессор объяснил, что нужно сделать с несколькими тысячами книг в его библиотеке.

Я купил компьютер и установил его в комнате без окон на втором этаже, где по стенам тянулись ряды деревянных полок. Видер хотел, чтобы я создал систематизированную классификацию книг, по которой, пользуясь поисковиком, можно было бы найти любую книгу на полке. Следовало ввести в компьютер все данные – названия, авторов, издателей, библиографические сведения Библиотеки Конгресса США и тому подобное, – а затем расставить книги по категориям. По нашим подсчетам, на это занятие потребовалось бы не меньше полугода работы по выходным и, может быть, еще пару дней еженедельно. Я уже начал работу над дипломом, но надеялся отыскать свободное время и среди недели.

За мои труды Видер предложил щедрую сумму и обещал платить еженедельно, вручив чек за первые три недели авансом. Я заметил, что в отсутствие Лоры он вел себя сдержаннее, а говорил меньше и конкретнее.

Потом он заявил, что пойдет заниматься в домашний спортзал в подвале, и оставил меня в библиотеке одного.

На изучение компьютерной библиотечной программы я потратил часа три и затем, спустившись на первый этаж, обнаружил, что Видер готовит бутерброды на кухне. За обедом мы говорили о политике. К моему удивлению, он придерживался весьма консервативных взглядов и считал либералов опасными не меньше коммунистов. По его мнению, Рейган вел себя правильно, угрожая Москве, а его предшественник, Джимми Картер, пресмыкался перед русскими.

Мы курили в гостиной, на кухне пытела кофеварка, и тут Видер спросил меня:

– А вы с Лорой приятели или как?

Вопрос меня неприятно удивил. Я хотел было ответить, что это мое личное дело, но сдержался, вспомнив, что Лора высоко ценит свою дружбу с профессором.

– Приятели, – соврал я. – Она случайно оказалась моей новой соседкой по дому, мы подружились, хотя общих интересов у нас почти нет.

– У вас есть подруга?

– Сейчас нет.

– Так в чем же дело? Лора умна, красива и во всех отношениях привлекательна. Из ее рассказов я понял, что вы много времени проводите вместе.

– Ну... не знаю. Видно, не сложилось.

Он принес кофе из кухни, протянул мне чашку, закурил сигарету и серьезно, пристально посмотрел на меня.

– И что она вам обо мне рассказывала?

Мне стало очень неловко.

– Она вас очень уважает и счастлива с вами сотрудничать. Насколько мне известно, вы с ней работаете над проектом, который изменит наши представления о человеческом мозге. Вроде бы что-то связанное с памятью. А больше я ничего не знаю.

– А подробно о наших исследованиях она не говорила? – быстро спросил он.

– Нет. К сожалению, я в этой области науки не разбираюсь, и Лора больше не пытается посвятить меня в тайны психологии, – с притворной небрежностью ответил я. – Не сочтите за оскорбление, но копание в чужих головах меня совершенно не привлекает.

– Вы же хотите стать писателем! – раздраженно напомнил он. – Как вы намерены разобраться в мотивации поступков своих героев, если не представляете себе мыслительного процесса?

– По-вашему, для того, чтобы заниматься скалолазанием, надо быть геологом? – возразил я. – Джо... – (Он просил меня называть его по имени, но мне все еще было неловко.) – Кажется, вы меня не совсем верно поняли. Иногда я сижу в кафе именно для того, чтобы наблюдать за людьми. Я разглядываю их лица, слежу за жестами и поведением, пытаюсь вообразить, чем все это вызвано. Но ведь все это – лишь внешние проявления, не важно, сознательные или бессознательные, и потому...

– По-вашему, я некий извращенец, – оборвал меня Видер, – которому доставляет удовольствие подглядывать за людьми в замочную скважину? Отнюдь нет! Без посторонней помощи человеку себя самого не понять. Нам, психологам, необходимо точно знать, когда и как следует помочь, чтобы сохранить целостность личности. Как бы то ни было, наша цель весьма отличается от того, что вы себе вообразили. Надеюсь, вы понимаете... хотя, возможно, и не понимаете, так что поверьте мне на слово... Итак, предмет моего исследования необходимо держать в секрете, во всяком случае до тех пор, пока я не опубликую результаты. Вообще-то, я уже подписал договор с издательством – нет, не с университетским, что вызвало некоторое недовольство в администрации. Полагаю, не нужно объяснять, сколько завистников в университетской среде, – вы уже не первокурсник, вполне представляете себе, что и как здесь происходит. Вдобавок для секретности есть еще одна причина, но пока я разгласить ее не вправе. Как продвигается дело в библиотеке? – спросил он, резко меняя тему разговора, будто стараясь подловить меня на лжи.

Я объяснил, что освоил программу-классификатор и что все идет по плану.

Спустя четверть часа я собрался уходить, но Видер остановил меня у двери и сказал, что нам надо кое о чем поговорить.

– После того как вы на прошлой неделе ко мне заходили, к вам никто не обращался? Никто не пытался выведать, над чем я работаю? Ну, может, кто-то из друзей или знакомых... или вообще посторонний человек?

– Нет. О том, что мы с вами встречались, знает только Лора.

– Отлично! Лучше об этом никому не рассказывать. И пусть никто не знает, что вы сортируете мою библиотеку. Кстати, а почему Лора сегодня с вами не пришла?

– Она в Нью-Йорке, с подругой встречается. Они хотели мюзикл посмотреть, так что Лора заночует у подруги и завтра утром вернется.

Он пристально посмотрел на меня:

– Великолепно. Я при случае спрошу, понравился ли ей мюзикл. А как подругу зовут?

– Дхарма, если не ошибаюсь.

– Двадцать лет назад хиппи не устраивали обычные имена, всякие там Розы и Лилии, – хмыкнул Видер. – Ну, до свидания, Ричард, увидимся после Дня благодарения. Я бы вас пригласил на ужин, но завтра уезжаю в Чикаго и вернусь только в пятницу. У Лоры есть запасные ключи от дома. Если у вас будет время, приходите, поработаете без меня.

* * *

Прежде чем отправиться на автобусную остановку, я долго бродил по улицам, раздумывая о недавнем разговоре.

Значит, у Лоры есть запасные ключи от профессорского особняка... Меня это очень удивило – до тех пор я не подозревал, что Лора с Видером так близки. И, если я правильно понял, Видер намекнул, что про подругу Лора мне солгала. А еще он слишком допытывался о наших с Лорой отношениях...

Настроение у меня испортилось. Дома я с отвращением сунул чек Видера в ящик комода, будто бы мне заплатили за что-то непристойное. Впервые после знакомства с Лорой я проводил выходные в одиночестве. Пустой, темный дом угнетал.

Я принял душ, заказал по телефону пиццу и посмотрел какую-то серию «Женаты... с детьми», рассеянно следя за жизнью семейства Банди и не находя в ней ничего занимательного. Аромат Лоры витал над диваном, будто она была рядом. Мы с ней встретились всего несколько недель назад, но мне чудилось, что мы знакомы целую вечность, – Лора уже стала частью моей жизни.

Ни Би Би Кинг, ни Норман Мейлер не смогли отвлечь меня от мыслей о Лоре и профессоре Видере.

Профессор отнесся ко мне хорошо и предложил работу, за что его следовало бы благодарить. К тому же мне очень повезло, что он, именитый ученый, вообще узнал о моем существовании – пусть и от своей протеже. Однако же, несмотря на все это, в его поведении, под маской дружелюбия и разговорчивости,

сквозило что-то странное и пугающее.

Вдобавок я и без его намеков начал подозревать, что Лора мне соврала. Я навывдумывал всевозможных способов убедиться в достоверности ее слов, но на поезд в Нью-Йорк уже не успевал, а чуть погодя решил, что шпионить за ней исподтишка, как в плохом кино, – дурацкая затея.

С этими сумбурными мыслями я задремал на диване в гостиной, но среди ночи проснулся и ушел досыпать в спальню. Мне приснилось, что я стою на берегу огромного озера, среди зарослей камышей. Глядя в темную воду, я явственно ощутил опасность: в камышах мелькнули очертания громадной чешуйчатой туши – аллигатор. Чудовище уставилось на меня круглыми глазами, и я с ужасом заметил, что они того же водянисто-голубого цвета, что и глаза профессора Видера.

* * *

Лора вернулась в воскресенье, ближе к вечеру. С утра я с двумя знакомыми бродил по кампусу, в полдень мы пришли к ним на Холбрук-стрит, заказали пиццу, послушали музыку. Лорина машина подъехала к дому как раз тогда, когда я делал себе кофе.

Лора, с темными кругами под глазами, выглядела очень усталой. Она сдержанно поцеловала меня и ушла к себе, принять душ и переодеться. Я налил две кружки кофе и улегся на диван. Она спустилась в гостиную, поблагодарила за кофе, схватила пульт дистанционного управления и стала рассеянно щелкать каналами. Судя по всему, ей было не до разговоров, поэтому расспрашивать ее я не стал. Наконец она предложила выйти покурить.

– Мюзикл мне не понравился, – сказала она, жадно затягиваясь сигаретой. – Дхармины родители весь вечер нас пилили, а на обратном пути в туннеле авария случилась, я полчаса в пробке торчала. И мотор в машине барахлит... надо бы в мастерскую.

Моросил дождь, и капли в Лориных волосах сверкали крошечными бриллиантами.

– А что за мюзикл? – спросил я. – Ну, на будущее. Глядишь, помогу кому-нибудь тридцать баксов сэкономить.

– «Звездный экспресс», – ответила она. – Критики его расхваливают, но у меня настроения не было.

Она помнила, что я должен был встретиться с Видером, и спросила, как прошла встреча. Я сказал ей, что не только приступил к работе, но и получил аванс, как раз хватит заплатить за жилье.

Мы вернулись в дом, сели на диван.

– Ричард, что-то случилось, – сказала Лора. – Может, объяснишь?

Я решил, что скрывать произошедшее бессмысленно.

– Видер начал меня расспрашивать о наших с тобой отношениях. И...

– Что именно он спрашивал?

– Да так, странные вопросы задавал... Спросил, кто им интересовался, а еще хотел узнать, что? ты мне о проекте рассказала.

– Ах вот оно что... – протянула она и умолкла.

– А еще намекнул, что ты мне соврала... Что в Нью-Йорк ты уехала не из-за Дхармы, а совсем по другой причине.

Помолчав, она спросила:

– И ты ему поверил?

– Не знаю... – Я пожал плечами. – Не знаю, что и думать. Не знаю, имею ли я право спрашивать у тебя, что ты делала и чего не делала. Ты не вещь, я не собственник, да и лишней подозрительностью не страдаю.

Лора держала кружку в руках, будто птицу, которую вот-вот выпустит на свободу.

- Что ж, если хочешь, давай сейчас все и выясним, - сказала она.

- Давай.

Она опустила кружку на стол, выключила телевизор и прикурила сигарету, хотя мы и договорились не дымить в доме. Похоже, в чрезвычайных обстоятельствах правила можно было не соблюдать.

- Ну, начнем с самого начала. Когда я сюда переехала, то вовсе не собиралась заводить роман - ни с тобой, ни с кем другим. В конце второго курса я встречалась с парнем с экономического факультета. Летом мы разъехались на каникулы, а осенью снова сошлись, и какое-то время все было прекрасно. Я считала, что влюбилась, хотя и понимала, что он не отвечает мне взаимностью и встречается не только со мной, но и с другими. Ну, я, конечно, злилась на себя за то, что все это терплю. Примерно в то же время я начала работать у Видера - сначала волонтером, вместе с несколькими десятками студентов. Профессор меня заметил, мы с ним часто обсуждали исследования, и в конце концов я стала его ассистентом. Мой парень взревновал, начал за мной следить и вечно допытывался, в каких отношениях мы с Видером. Декан получил анонимку о том, что профессор якобы склонил меня к сожителству.

- А как твоего парня звали?

- Это не важно.

- Еще как важно!

- Тимоти Сандерс. Он сейчас в магистратуре. Помнишь, мы как-то сидели в баре «У Роберта» на Линкольн-стрит?

- Да, конечно.

- Так вот, Тимоти там был. С очередной подружкой.

– А! Ладно, рассказывай дальше.

– Узнав об анонимке, Видер разозлился не на шутку. К тому времени я уже втянулась в проект, и мне очень хотелось продолжать – эти исследования помогли бы мне сделать карьеру, а дурацкое поведение моего парня ставило все под угрозу. Я призналась Видеру, что догадываюсь, кто автор анонимки, и пообещала, что больше не стану встречаться с Сандерсом. Тимоти я сказала, что не вижу смысла в наших отношениях. Как ни странно, после этого он влюбился в меня по-настоящему, стал ходить по пятам, слал длинные слезные письма, угрожал наложить на себя руки, предупреждая, что в его смерти буду виновата я. Он посылал мне цветы домой и в университет, умолял о свидании. Я наотрез отказалась с ним встречаться. Видер несколько раз спрашивал, видимся ли мы с Тимоти, и в конце концов удовлетворился ответом, что мы с ним больше не встречаемся и менять своего решения я не намерена. Затем Тимоти начал мне угрожать и распространять грязные слухи. Казалось, он на мне зациклился. Он начал появляться у дома Видера, часами сидел в машине под фонарем на углу... В общем, поэтому мне и пришлось жилье сменить. Потом Тимоти куда-то пропал, и снова я его увидела только в тот вечер «У Роберта». После этого мы случайно встретились на кампусе, и я сдуру согласилась пойти с ним в кофейню, надеясь, что больше он меня донимать не станет.

– Послушай, а почему ты в полицию не обратилась? – спросил я.

– Да ну, одна морока. Тимоти же с кулаками не лез, опасность мне не угрожала. Да и копы вряд ли серьезно бы к этому отнеслись – ведь он не преступник, а обычный влюбленный студент. В общем, мы с ним в кофейне посидели, и все началось снова: он утверждал, что я его до сих пор люблю, что просто сама этого не понимаю... что после нашего разрыва он обратился к нью-йоркскому психотерапевту и регулярно его посещает... А потом оказалось, что он мой новый адрес узнал. Я испугалась, что он сюда заявится, устроит здесь скандал... Короче говоря, я согласилась поехать с ним к психотерапевту, ну, как доказательство того, что Тимоти не выдумал себе подругу, что я – не плод его воспаленного воображения. Поэтому я и отправилась в Нью-Йорк. А после того, как мы сходили к психотерапевту, я встретилась с Дхармой и заночевала у нее. Вот и все. Тимоти пообещал больше ко мне не приставать.

– А почему ты мне сразу правду не сказала?

– Потому что пришлось бы тебе во всем признаться, вот как сейчас... А мне тогда этого совершенно не хотелось. Тимоти, как и многое другое, остался в прошлом. Там ему самое место. Ричард, у каждого человека есть тайны, о которых лучше бы забыть, и с этим ничего не поделаешь. Прошлое не следует выставлять напоказ, потому что зачастую с ним связано слишком много горьких, очень личных переживаний. Их лучше хранить в секрете.

– И это все? То есть вы сходили к психотерапевту, побеседовали и расстались?

Она удивленно поглядела на меня:

– Конечно. Я же тебе только что объяснила.

– А что психотерапевт сказал?

– Ну, выяснилось, что он и вправду подозревал, будто Тимоти выдумал всю историю наших отношений. Будто воображаемая подруга – своего рода проекция, созданная его воображением и никак не связанная с реально существующей Лорой. Что все это из-за мачехи, которая не уделяла мальчику достаточно внимания в детстве. Якобы Тимоти просто не в состоянии примириться с тем, что его бросили. А зачем тебе все это знать?

Сгустились сумерки, но свет мы включать не стали, сидели в полумраке, будто персонажи на картине Рембрандта под названием «Лора умоляет Ричарда о прощении».

Я сгорал от желания, хотел сорвать с нее одежду и коснуться обнаженного тела, но в то же время меня терзали подозрения, мысли о лжи и предательстве. Я словно бы зашел в тупик и не знал, как оттуда выбраться.

– А Видер об этом знает? – спросил я. – Ему известно, зачем ты в Нью-Йорк поехала?

Она кивнула.

– И почему он решил дать мне понять, что ему это известно?

– Потому что в этом – он весь! – сердито бросила она. – Ему не нравится, что мы с тобой близки. Может быть, он из ревности захотел нас рассорить, он прекрасно умеет манипулировать окружающими и обожает мутить воду. Я тебя предупредила, что ты его совсем не знаешь. Зря ты мне не верил.

– Но ты же говорила, что он – гений, чуть ли не божество. Что вы с ним друзья. А теперь...

– Знаешь, гениальность нисколько не мешает ему быть редким мудаком.

Я хорошо представлял себе, чем рискую, задавая следующий вопрос, но все-таки спросил:

– Лора, а вы с Видером были близки?

– Нет.

Я был благодарен за ее ответ – честный, без лицемерного возмущения, мол, да как ты посмел даже такое вообразить...

Чуть погодя она добавила:

– Знаешь, Ричард, хоть я и понимаю почему, но все равно жаль, что тебе эта мысль пришла в голову.

– Ну, вообще-то, странно, что у тебя есть запасные ключи от его дома. Видер мне сам об этом сказал.

– И я бы тебе сказала, если бы ты меня спросил. Это не секрет. Он живет один, подруги у него нет, уборщица приходит по пятницам, а еще заглядывает один из его бывших пациентов, он вроде как домашний мастер, по соседству живет. Видер мне ключи дал на всякий случай, я ими ни разу не пользовалась и без него в доме никогда не бывала.

Лицо ее было едва различимо в полумраке гостиной. Я задумался о том, кто Лора на самом деле – Лора Бейнс, с которой я познакомился совсем недавно и о которой почти ничего не знал. Ответ пришел мгновенно: она – женщина,

которую я люблю, и это самое главное.

* * *

Мы уговорились больше никогда не вспоминать о случившемся – в молодости легко давать невыполнимые обещания, – и Лора рассказала мне все, что знала об экспериментах Видера. Впрочем, известно ей было немного.

Лет семь назад профессора попросили дать экспертные показания в суде, где слушалось дело об убийстве. Адвокат подсудимого утверждал, что его клиент страдает психическим расстройством и, будучи невменяемым, неподсуден. Как объяснила Лора, в таких случаях для оценки психического состояния подсудимого созывают комиссию из трех экспертов и суд выносит решение на основании ее выводов. Если комиссия подтверждает, что в силу психического расстройства подсудимый не в состоянии понять, в чем его обвиняют, то его отправляют в специализированную психиатрическую лечебницу, а впоследствии, по ходатайству адвоката, пациента могут перевести в обычную психиатрическую больницу или даже освободить по решению суда.

Видер, тогда преподававший в Корнеллском университете, утверждал, что сорокавосьмилетний Джон Тайбертон, обвиняемый в убийстве соседа, фальсифицирует симптомы амнезии – потери памяти, – а двое его коллег-экспертов настаивали, что подсудимый страдает параноидной шизофренией и что потеря памяти объясняется психозом.

В конце концов выяснилось, что Видер был прав: следователи обнаружили дневник Тайбертона, где содержалось не только подробное описание подготовки к убийству, но и заметки о целом ряде предыдущих преступлений, а также сведения о симптомах различных психических заболеваний, дающих основания для вынесения оправдательного приговора. Иначе говоря, преступник заранее готовился как можно убедительнее изобразить психическое расстройство.

После этого Видера стали часто приглашать в качестве эксперта, а сам он заинтересовался изучением памяти и анализом так называемых подавленных воспоминаний – феномена, вызвавшего необычайный интерес после публикации книги «Мишель вспоминает»[9 - Книга, опубликованная в 1980 г. («Michelle Remembers») канадским психиатром Лоренсом Паздером со слов его пациентки

(впоследствии жены) Мишель Смит.], написанной психиатром по рассказам своей пациентки, якобы ставшей в детстве жертвой сатанистского культа. Видер исследовал сотни подобных случаев, погружал людей в гипнотический транс, опрашивал заключенных в тюрьмах и пациентов специализированных психиатрических лечебниц. Особый интерес он проявлял к потере памяти.

В итоге он пришел к выводу, что в некоторых случаях, в частности когда пациенты перенесли серьезную психологическую травму, включается своего рода система аутоиммунной защиты, которая либо полностью стирает травматические воспоминания из памяти, либо намеренно искажает их, делает приемлемыми, подобно тому как белые кровяные тельца атакуют вирус в организме. Следовательно, наш мозг обладает своеобразной мусорной корзиной.

Эти процессы происходят самопроизвольно, однако Видер задался вопросом, нельзя ли обнаружить механизм их действия, с тем чтобы терапевт мог ими управлять. Процесс, начавшийся самопроизвольно, часто наносит непоправимый вред пациенту, стирая не только болезненные, но и приятные воспоминания, что в некоторых случаях травмирует еще больше, – иными словами, как будто для лечения раненой или обожженной руки предписывают ампутацию.

Свои исследования Видер продолжил в Принстоне, где к нему обратились представители какой-то государственной организации, предложив принять участие в секретной программе. В подробностях Видер об этом не рассказывал, ограничиваясь лишь туманными намеками, но Лора предполагала, что программа как-то связана с устранением болезненных или нежелательных воспоминаний у разведчиков или военных, принимавших участие в секретных операциях. От разговоров об этом Видер уклонялся, и в последнее время его отношения с Лорой разладились.

От рассказа Лоры меня пробила дрожь. Неужели все то, что я считал неоспоримыми проявлениями действительности, на деле могло быть моим субъективным восприятием, и только? Неужели наши воспоминания – это всего лишь искусный монтаж, будто ролик киноплёнки, или нечто, вылепленное из бесформенного комка пластилина?

Я попытался объяснить, что с подобной теорией трудно согласиться, но Лора уверенно возразила:

– А у тебя никогда не возникало ощущения, будто ты уже сталкивался с чем-то подобным, что-то такое уже переживал? Неужели незнакомое место никогда не представлялось тебе смутно знакомым – всего лишь потому, что в детстве тебе о нем рассказывали? Потому что память стерла воспоминания о рассказах и подменила их воспоминаниями о событии...

Действительно, я долгое время считал, будто видел по телевизору Супербоул 1970 года, решающий матч между командами «Канзас-сити чифс» и «Миннесота вайкингс» – мне тогда не было и пяти лет, – хотя на самом деле всего-навсего наслушался отцовских рассказов об этой игре.

– Ну вот, об этом я и говорю! Именно потому исследователи всегда сомневаются в рассказах очевидцев: как правило, свидетели дают противоречивые показания, путаются в деталях. К примеру, машина сбила пешехода... Одни свидетели утверждают, что автомобиль был синего цвета, другие – что красного, хотя на самом деле он был желтым. Наша память – не видеокамера, которая правдиво фиксирует происходящие события; она, как сценарист и режиссер одновременно, создает кинофильм из обрывков действительности.

* * *

Не знаю почему, но Лорины слова запали в память. Мне было все равно, в чем именно замешан Видер, гораздо больше меня волновало, рассказала ли Лора правду о Тимоти Сандерсе.

Даже сейчас, тридцать лет спустя, я помню это имя. А еще в тот вечер я снова задумался над отношениями Лоры и Видера – были ли они чем-то бо?льшим, чем строго профессиональные? В восьмидесятые годы прошлого века сексуальные домогательства широко обсуждались в прессе; скандальные истории коснулись и университетов. Иногда одного обвинения в недостойном поведении было достаточно для того, чтобы разрушить карьеру или запятнать репутацию. Не верилось, что Видер, знаменитый исследователь, пойдет на такой риск ради интрижки с привлекательной студенткой.

Ночь мы с Лорой провели на диване в гостиной. Лора быстро уснула, а я, не в силах сомкнуть глаз, глядел на ее обнаженное тело, на длинные ноги, на изгиб бедер и четко очерченные плечи. Она спала как дитя, сжав кулаки. В конце концов я решил, что она сказала мне правду: иногда очень хочется поверить в

то, что фокусник действительно вытаскивает из шляпы слона.

Глава четвертая

Следующий четверг, День благодарения, я провел с Лорой. Мы купили жареную индейку в ресторанчике на Ирвинг-стрит, пригласили Лориных друзей. Эдди, мой брат, болел гриппом, температурил, и мама очень за него волновалась – я больше часа проговорил с родными по телефону, рассказал им, что нашел временную работу. Ни о Видере, ни о Тимоти Сандерсе мы с Лорой больше не упоминали. Веселье затянулось до утра, а на выходные мы поехали в Нью-Йорк, где поселились в крошечной гостинице в Бруклин-Хайтс.

На следующей неделе я, пользуясь запасными ключами, дважды приходил домой к Видеру, пока сам он читал лекции в университете.

Вся моя жизнь прошла в тесных, шумных квартирах, а потому профессорский особняк, тихий и просторный, я считал поистине волшебным местом. Тишина в доме завораживала, а из окон гостиной открывался чарующий вид на озеро; хотелось часами стоять у окна, разглядывая ивы, склоненные над водой, будто картину пуантилиста.

Пользуясь случаем, я осторожно осмотрел весь дом. Первый этаж занимали гостиная, кухня, ванная комната и кладовая. На втором этаже располагались две спальни, библиотека, еще одна ванная и гардеробная, которая при необходимости тоже могла служить спальней. В подвале находились винный погреб и спортивный зал с гантелями, гирями, тяжелой красной грушей, подвешенной к брусу на потолке, и боксерскими перчатками на стене. В спортивном зале пахло потом и дезодорантом.

Книги я любил, а потому разбирать Видерову библиотеку было не в труд, а в радость. На полках стояли редкие издания и произведения, о которых я прежде не слышал. Почти половину библиотеки составляли научные труды и учебники по медицине, психологии и психиатрии, а остальное – художественная литература и работы по истории и искусству. Я заносил необходимые сведения в библиотечную базу данных, но старался урвать время и для чтения, потому что профессор вряд ли согласился бы расстаться, пусть и ненадолго, с какой-нибудь

из своих драгоценных книг.

Во второе самостоятельное посещение профессорского дома я осознал, что особняк, как и его хозяин, производит на меня двойственное впечатление. Прервавшись на обед, я жевал бутерброд и глядел из окна на озеро, как вдруг сообразил, что дом и притягивает, и отталкивает одновременно.

Именно в таком доме хотелось бы жить, если бы я преуспел на литературном поприще. Мое обучение в Принстоне подходило к концу, я начал серьезно раздумывать о будущем и боялся, что мои радужные надежды не оправдаются. Свои творения я разослал в несколько литературных журналов, но ни один рассказ не приняли, хотя от редакторов я получил письма со словами одобрения. Я по-прежнему работал над романом, однако начал сомневаться, стоит ли продолжать это занятие.

Если писателем стать не суждено, то оставалось только одно – сделаться скромным учителем английской литературы где-нибудь в провинциальном городке, учить бестолковых подростков, жить замкнуто и уединенно, носить твидовые пиджаки с кожаными заплатками на локтях и таскать в потертom портфеле незаконченный роман, как камень на шее.

Профессорский особняк был общепризнанным символом успеха. Я на минуту вообразил, что это мой дом, что я живу здесь с любимой женщиной, нет, с женой... и сейчас, оторвавшись от работы над следующим бестселлером, спокойно и уверенно жду Лору, чтобы отправиться с ней на ужин в «Таверну на лужайке» или во «Времена года», где на нас будут украдкой взирать восхищенные посетители.

Однако воображаемая картина померкла, будто разъеденная какими-то химикатами, едва лишь я вспомнил, что хозяин этого особняка – человек, которому я не доверяю. Мне очень хотелось, чтобы уверения Лоры были правдой, но сдержать разгулявшееся воображение я не мог. Я представлял, как Видер и Лора совокупляются здесь, в гостиной, на диване или в спальне, как они торопливо сбрасывают одежду, как предаются развращенным играм... как пресыщенный старик заставляет обнаженную Лору встать на четвереньки и залезть под стол, а она с похотливой улыбкой подчиняется ему... как он, расстегивая ширинку, похабно ухмыляется...

Незримое присутствие Видера накладывало на все свой отпечаток, будто каждая вещь в доме была священной реликвией на алтаре профессорского величия.

* * *

Утром мы с Лорой договорились встретиться в парке в три часа пополудни, чтобы успеть на поезд в Нью-Йорк. В два часа дня я запер дверь в библиотеку и спустился на первый этаж, где едва не упал в обморок от испуга: в гостиной сидел какой-то высокий тип с молотком в руках.

Профессор Видер жил в тихом, благополучном квартале, но в те годы газеты постоянно писали о грабежах и страшных убийствах.

Незнакомец в анораке, футболке и джинсах опустил молоток и уставился на меня. В горле у меня пересохло, и я с трудом произнес:

– Вы кто такой?

Круглолицый, бледный мужчина с растрепанной шевелюрой и щетиной на щеках помедлил, будто не зная, что ответить.

– Дерек... – наконец сказал он. – Джо... ну, профессор Видер, просил меня карниз починить.

Он ткнул молотком куда-то в сторону окна. Я только сейчас заметил ящик с инструментами на полу.

– А как вы сюда попали? – спросил я.

– У меня ключи есть. – Он кивнул на журнальный столик у дивана, где действительно лежала связка ключей. – А вы библиотекой занимаетесь?

Я наконец-то сообразил, что это, должно быть, тот самый домашний мастер – бывший пациент, о котором упоминала Лора. Впрочем, разговаривать с ним времени не было. Часом позже, встретившись с Лорой, я рассказал ей о странном

типе, из-за которого меня чуть удар не хватил.

– А, это Дерек Симмонс, – ответила она. – Профессор Видер за ним уже несколько лет приглядывает.

По дороге на вокзал в Принстон-Джанкшен, откуда уходил поезд в Нью-Йорк, Лора рассказала мне о Дерекке.

* * *

Четыре года назад Дерекка Симмонса обвинили в убийстве жены. Супруги жили в Принстоне, в браке состояли пять лет, детей не было. Дерек работал монтером, а его жена, Анна, – официанткой в кафе на Нассау-стрит. По свидетельству соседей и знакомых, супруги жили счастливо, не ссорились.

Однажды рано утром Дерек вызвал «скорую», объяснив диспетчеру, что жене плохо. Врачи «скорой помощи» обнаружили Анну на полу в прихожей, в луже крови, с ножевыми ранениями в груди и на шее. Судмедэксперт сразу же заверил ее смерть и вызвал бригаду криминалистов.

Дерек утверждал, что произошло следующее: он вернулся домой в семь вечера, по пути с работы зашел в магазин за продуктами, после ужина посмотрел телевизор и лег спать, зная, что Анна придет с работы поздно ночью.

Проснулся он, как обычно, в шесть часов утра, но жены рядом с ним не было. Он вышел из спальни и увидел жену в луже крови посреди прихожей. Не зная, жива она или нет, он тут же позвонил в «скорую».

Поначалу следователи решили, что Дерек говорит правду – входная дверь не была заперта, следов взлома не обнаружили. Вполне возможно, что преступник увязался за Анной и напал, как только она открыла дверь, а потом сбежал, сообразив, что в доме кто-то есть (кошелек с деньгами – около сорока долларов – остался в сумке Анны, рядом с телом). Судмедэксперт установил, что Анну убили в три часа ночи. У Симмонса не было никаких причин для убийства жены – он искренне скорбел о ее смерти, любовницы у него не было, как не было ни долгов, ни прочих неприятностей. Среди сослуживцев он пользовался репутацией добросовестного работника и слыл человеком тихим.

Все это Лора узнала от Видера, который был одним из трех членов комиссии, назначенной для оценки психического состояния Дерека Симмонса, обвиненного в убийстве жены. Адвокат Симмонса утверждал, что его клиент невиновен, так как страдает психическим расстройством. По какой-то причине Видер счел это делом особой важности.

Следствие выявило ряд обстоятельств, неблагоприятных для Дерека.

Во-первых, Анна Симмонс вот уже несколько месяцев как изменяла мужу – правда, кто был ее любовником, так и осталось неизвестным (во всяком случае, широкой публике) – и собиралась подать на развод. В день убийства она ушла из кафе в десять часов вечера, встретила с любовником в дешевой съемной квартире на той же улице, оставалась там до полуночи, после чего вызвала такси и приехала домой – согласно словам водителя такси и показаниям счетчика – в 01:12.

Дерек уверял, что об измене жены ему ничего не известно, но следователи выдвинули версию об убийстве на почве ревности.

Во-вторых, на теле Анны были раны, свидетельствующие о том, что она сопротивлялась, то есть пыталась отбиться от преступника, скорее всего вооруженного ножом, и звала на помощь, так что шум наверняка разбудил бы Дерека в спальне второго этажа. (Соседи впоследствии утверждали, что слышали крики, но полицию вызывать не стали, потому что крики вскоре прекратились.)

В-третьих, подруга Анны подтвердила, что из кухни пропал большой нож, – она его запомнила, потому что за несколько недель до убийства помогала Анне готовить угощение для праздничного ужина (дня рождения). Дерек, узнав о пропавшем ноже, невозмутимо пожал плечами, – мол, о судьбе ножа он ничего не знает, потому что на кухне хозяйничала жена.

И наконец выяснилось, что в юности из-за нервного срыва Дерек провел два месяца в психиатрической больнице Марлборо, где его обследовали, поставили диагноз «шизофрения» и прописали лекарственные препараты, которые он принимал до сих пор. Несмотря на успехи в учебе, Дерек отказался от мысли продолжить обучение в колледже, получил специальность электромонтера и устроился на низкооплачиваемую работу в компании «Сименс».

Следствие выдвинуло весьма убедительную версию случившегося.

Анна вернулась домой в 01:12 ночи, супруги разругались. Дерек уличил жену в измене, Анна заявила, что хочет развестись. Два часа спустя Дерек убил жену кухонным ножом, избавился от орудия убийства и лишь утром вызвал «скорую», словно только что обнаружил тело. Психиатрам требовалось определить, совершил ли он убийство в состоянии острого шизофренического приступа.

После ареста Симмонса его адвокат настаивал на том, что подзащитный невменяем, а значит – невиновен. Сам Дерек упрямо стоял на своем, утверждая, что не убивал жену.

После нескольких бесед с обвиняемым Джозеф Видер пришел к выводу, что Дерек Симмонс действительно страдает психическим заболеванием, но не шизофренией, а редкой формой психоза, так называемой диссоциативной фугой. В этом состоянии, которое может длиться от нескольких часов до нескольких месяцев или даже лет, больной совершенно не осознает, кто он такой, и полностью утрачивает память о себе. В некоторых случаях больные уходят из дома, и лишь много лет спустя их обнаруживают в другом городе или даже штате, причем они не помнят абсолютно ничего о своей прежней жизни. Иногда – как правило, внезапно – прошлые воспоминания возвращаются, полностью вытесняя новые, но многие больные так и живут под новой личиной.

Если Видер поставил верный диагноз, то вполне возможно, что Симмонс действительно не помнил, что случилось ночью, когда он действовал в измененном состоянии сознания, ведь, проснувшись утром, он был совсем другим человеком. Видер убедил своих коллег в правильности нового диагноза, и суд отправил Дерек Симмонса в Трентонскую психиатрическую лечебницу в Нью-Джерси, где содержались опасные преступники, страдающие психическими расстройствами. Видеру позволили проводить сеансы психотерапии с использованием гипноза и противосудорожных лекарственных препаратов.

К сожалению, спустя несколько месяцев один из пациентов жестоко избил Дерек Симмонса, который получил серьезную черепную травму и совершенно утратил память о прошлом. Его мозг, однако же, не потерял способности формировать и хранить новые воспоминания, но восстановить старые не удавалось. Лора объяснила, что это называется ретроградной амнезией.

Годом позже по настоянию Видера Дерек перевели в психиатрическую больницу Марлборо, заведение с менее суровым режимом. Профессор помог Симмонсу восстановить личность, – впрочем, по словам Лоры, это было полуправдой. Новый Дерек Симмонс походил на прежнего лишь именем и внешностью. Да, он умел писать, но не помнил, где и когда этому научился; воспоминаний о школьных годах у него не сохранилось. Он обладал всеми навыками и умениями электромонтера, но не знал, когда и как их приобрел. Воспоминания о жизни до психиатрической лечебницы были надежно спрятаны где-то в глубинах его мозга.

Весной 1985 года судья удовлетворил запрос адвоката об освобождении Симмонса из психиатрической больницы в связи с тем, что пациент не проявляет никакой склонности к насилию и ведет себя примерно. Однако же ясно было, что Дерек Симмонс не способен вести самостоятельный образ жизни, не сможет устроиться на работу и рано или поздно снова вернется в лечебницу. Он был единственным ребенком в семье, мать его умерла от рака, а отец, с которым Дерек не ладил, после убийства Анны Симмонс переехал в другой город и судьбой сына не интересовался.

Видер снял в аренду двухкомнатную квартиру рядом со своим домом, поселил в ней Дерек и стал выплачивать ему ежемесячное жалование за всевозможные ремонтные работы. Дерек жил один, держался особняком, и соседи на него косились. Иногда он запирался в своей квартире и не показывался целыми днями, а то и неделями. В такие дни Видер навещал его, приносил еду и заставлял принимать лекарства.

* * *

Меня растрогали и судьба Дерек, и отношение Видера к своему пациенту. Подумать только, профессор Видер помог Дереку – не важно, убийце или нет, – жить нормальной жизнью. Да, душевная болезнь ограничивала свободу Дерек Симмонса, но все же он был не за решеткой, а на воле. Без Видера он провел бы остаток жизни в психиатрической лечебнице, окруженный жестокими охранниками и безумными пациентами. Лора рассказывала, что вместе с Видером несколько раз посещала Трентонскую больницу и заведение произвело на нее угнетающее впечатление.

На следующей неделе выпал первый снег. Я трижды приезжал в профессорский особняк и всякий раз заставлял там Дерек, который вечно что-то чинил. Мы разговаривали, курили и смотрели на озеро, придавленное тяжелыми серыми небесами. Если бы я не знал, что Дерек болен, то счел бы его обычным человеком – застенчивым, нелюдимым и не особо умным, но в остальном вполне нормальным. На опасного преступника он нисколько не походил, о Видере отзывался с благоговением и прекрасно понимал, чем обязан профессору. Однажды Дерек сказал мне, что взял щенка из собачьего приемника, назвал его Джек и теперь каждый вечер гуляет с ним в парке.

Я так подробно рассказываю о Дерек потому, что ему отведена важная роль в дальнейших трагических событиях.

Глава пятая

В начале декабря я получил самое важное известие в жизни.

Лайза Уилер, сотрудница Файерстоунской библиотеки и моя хорошая знакомая, сказала мне, что в Нассау-Холле выступит редактор нью-йоркского литературного журнала «Сигнатура». В то время этот журнал, ныне исчезнувший, считался весьма влиятельным изданием в литературных кругах, хотя и распространялся небольшим тиражом. Лайза, зная о моем желании стать писателем, раздобыла мне приглашение и посоветовала встретиться с редактором после окончания лекции и передать ему мои рассказы. Я не отличался ни особой робостью, ни назойливостью и три дня перед лекцией мучительно раздумывал, как лучше поступить. В конце концов, уступив уговорам Лоры, я отобрал три рассказа, составил свое резюме, вложил их в конверт и отправился с ним на лекцию.

* * *

Я пришел в Нассау-Холл раньше назначенного часа и остановился покурить. День выдался пасмурным, свинцово-серым, и в деревьях неподалеку каркали вороны.

Недавно выпал снег, и два бронзовых тигра у входа выглядели марципановыми фигурками на огромном торте, присыпанном сахарной пудрой. Ко мне подошел какой-то худощавый мужчина в вельветовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях и в галстук в тон, попросил зажигалку. Большим и указательным пальцем он, будто эдвардианский денди, сжимал длинный мундштук слоновой кости, в который была вставлена тонкая самокрутка.

Мы разговорились. Он поинтересовался моим мнением о предстоящей лекции, и я честно ответил, что тема лекции мне неизвестна, но по окончании я надеюсь передать лектору – редактору журнала «Сигнатура» – мои рассказы.

– Великолепно! – воскликнул он, выдувая облако голубоватого дыма; над верхней губой незнакомца чернела тонкая полоска усиков, по моде эпохи регтайма. – А о чем ваши рассказы?

– Трудно сказать, – ответил я, пожав плечами. – Их лучше читать, а не обсуждать.

– А знаете, Уильям Фолкнер говорил то же самое. То есть что хорошую книгу можно только читать, а не обсуждать ее содержание. Что ж, давайте их сюда. Они же у вас в конверте, правда?

Я обомлел.

– Джон Хартли, – представился незнакомец, переложил мундштук в левую руку и протянул мне правую.

Я смущенно пожал ему руку, чувствуя, что с самого начала допустил оплошность. Заметив мое смущение, он улыбнулся, обнажив два ряда прокуренных желтых зубов. Я протянул ему конверт с рассказами, и Хартли небрежно сунул его в потрепанный кожаный портфель, прислоненный к металлической стойке пепельницы между нами. Мы докурили сигареты и молча вошли в аудиторию.

В конце лекции, ответив на вопросы слушателей, Хартли поманил меня к себе, вручил мне свою визитку и попросил связаться с ним через неделю.

Я рассказал Лоре обо всем, что произошло.

- Это предзнаменование, - с торжествующей уверенностью заявила она.

Лора сидела на столе, который я наскоро сколотил в углу гостиной, - обнаженная, болтая ногами, чтобы побыстрее просохли только что покрашенные ногти, - и протирала очки кусочком замши.

- Так оно всегда бывает, когда на роду написано, - продолжила Лора. - Все совпадает и происходит естественно, без напряжения, будто читаешь хорошо написанный текст. Добро пожаловать в мир высокой литературы, мистер Ричард Флинн.

- Ну, радоваться пока рановато, - скептически хмыкнул я. - Интересно, взглянет ли он на мои рассказы... А вдруг я выбрал не те? Может, он их уже в мусор выкинул.

Лора близоруко сощурилась - от этого лицо ее стало сердитым - и, сведя брови, показала мне язык.

- Ох, какой ты упертый пессимист! Пессимисты, особенно юные, меня очень раздражают. Отец вечно твердил, что на пути к любой моей мечте стоят непреодолимые преграды. Из-за него я в пятнадцать лет рисовать забросила, хотя учитель в школе говорил, что у меня талант. А когда я поехала во Францию на международную олимпиаду по математике, отец предупредил, что на успех надеяться не стоит, потому что судьи будут завышать оценки лягушатникам.

- И что, завышали?

- Ничего подобного! Я заняла первое место, а парень из Мэриленда - второе.

Отложив замшу, Лора водрузила очки на нос, подтянула колени к груди и обхватила их руками, будто внезапно продрогла.

- Знаешь, Ричард, по-моему, все будет хорошо. Тебе суждено стать писателем - мы оба это знаем. Вот только на серебряном блюде тебе ничего не поднесут. Мне шестнадцать лет было, когда отец умер. Ну, я порылась в его письменном

столе – он все время ящики запирает, а мне было интересно узнать, что он там хранит, – и нашла среди бумаг старую черно-белую фотографию девушки, моей ровесницы. Не красавица, простушка с ободком в волосах, но глаза очень выразительные. Мать неохотно призналась, что эта девушка – школьная подруга отца. Представляешь, он все эти годы хранил ее фотографию... Наверное, потому, что ему смелости не хватило с этой девушкой остаться, вот он и копил свои несчастья, прятался в них, как каракатица в своих чернилах. Ну да ладно... Эй, капитан, а ты почему до сих пор одет? Не видишь, что ли, тебя нагая красотка дожидается?!

* * *

Лора оказалась права.

Неделю спустя, за пиццей в ресторанчике на Нассау-стрит, мне внезапно захотелось позвонить в редакцию «Сигнатуры». Я подошел к телефону на стене у туалета, сунул в прорезь пару четвертаков и набрал номер с визитки, с которой не расставался вот уже неделю. Трубку взяла какая-то девушка, и я, представившись, попросил ее соединить меня с мистером Хартли. Через несколько секунд я услышал его голос.

Я снова назвал свое имя, и Хартли сразу же сказал:

– У меня для вас отличные новости, Ричард. Вас опубликуют в следующем выпуске, в январе. Журнал обещает быть интересным. Вдобавок после праздников тираж всегда увеличивается. А в вашем тексте я ни запятой не изменил.

– А какой рассказ вы выбрали? – ошеломленно спросил я.

– Они же небольшие, так что я решил все три опубликовать. Вам целых пять страниц отведено. Да, и пришлите свою черно-белую фотографию и краткую биографию.

– Невероятно... – пролепетал я и, запинаясь, рассыпался в благодарностях.

– Что ж, ваши рассказы достойны того, чтобы их читали. Давайте-ка встретимся после праздников, есть о чем поговорить. Продолжайте в том же духе, Ричард, и вас ждет блестящее будущее. Надеюсь, праздники вы проведете с пользой.

Я тоже пожелал ему счастливого Рождества и повесил трубку.

– Ты прямо весь светишься, – сказала Лора, когда я вернулся к столу. – Хорошие новости?

– В январе все три рассказа опубликуют, – выдохнул я. – Все три, представляешь?! В «Сигнатуре»!

Мы не стали заказывать шампанское, не отпраздновали это событие ужином в роскошном ресторане, а отправились домой и весь вечер обсуждали планы на будущее. Нам казалось, что можно звезды с неба хватать. Голова кружилась, слова «публикация в „Сигнатуре“», «три рассказа», «черно-белая фотография», «настоящий писатель» мелькали перед глазами, будто карусельные лошадки, окутывая меня ореолом бессмертной славы.

Сейчас я хорошо понимаю, что тогда, ошеломленный неожиданными переменами, я переоценивал важность происходящего: «Сигнатуре» до «Нью-Йоркера» было далеко, за публикацию авторам платили не чеками, а журнальными экземплярами. Но самое главное – предаваясь восторженным мечтаниям, я не заметил, что с Лорой тоже произошли перемены. Она держалась отчужденно, со мной почти не разговаривала и вечно была чем-то занята. Несколько раз я заставлял ее за телефонным разговором, но она клала трубку, как только замечала мое присутствие.

В особняк Видера я приходил чуть ли не каждый день, по три-четыре часа работал в библиотеке, которая постепенно приобретала должный вид, а все вечера проводил с Лорой – других развлечений мне не требовалось. Лора, однако же, с головой ушла в работу и часами сидела на полу в гостиной, обложившись книгами, записями и карандашами, будто шаман на камлании. Помнится, даже секс перестал ее интересовать. По утрам я просыпался рано, но Лоры уже не было дома – она уходила, не разбудив меня.

* * *

А потом я обнаружил в профессорской библиотеке рукопись.

Под полками напротив двери был шкафчик, который я прежде не открывал. Однажды мне понадобилась чистая бумага – нарисовать общее расположение полок у двери, с которых я и начал работу. Спускаться вниз, к письменному столу Видера, я поленился, заглянул в шкафчик, обнаружив там стопку чистой бумаги, какие-то старые журналы, карандаши, ручки и фломастеры.

Я неловко вытянул стопку, и листы бумаги разлетелись по полу. Встав на колени, я начал их подбирать и тут заметил, что один из карандашей в шкафу застрял в щели между стенками. Из любопытства я сдвинул в сторону журналы и бумаги и, приглядевшись, обнаружил, что за левой стенкой шкафчика – тайник размером с телефонный справочник. В тайнике оказалась картонная папка со стопкой исписанных листов.

Имени автора на обложке не было. Перелистав страницы, я понял, что рукопись – труд по психологии или психиатрии, но имени автора так и не нашел.

Впрочем, ясно было, что над рукописью работали как минимум двое – среди страниц, напечатанных на машинке, попадались листы, написанные черными чернилами, мелким убористым почерком; какие-то страницы были покрыты размашистыми строками с наклоном влево, написанными синей шариковой ручкой. На всех листах содержались поправки, добавления и пометки, а в двух местах прозрачным скотчем к странице были подклеены несколько абзацев.

Наверное, это был черновик (или один из черновых вариантов) того самого нового труда профессора Видера, о котором упоминала Лора, или, возможно, рукопись старой, уже опубликованной работы.

Я просмотрел первые страницы и, запутавшись в незнакомых терминах, вернул рукопись на место и привел в порядок шкафчик – не хотелось, чтобы Видер узнал, что я нашел его тайник или вообще рылся в его вещах.

* * *

Однажды, заработавшись в библиотеке, я спустился в гостиную и увидел там Дерка с Видером. Дерек ушел, а профессор пригласил меня остаться на ужин.

Видер, мрачный и усталый, мимоходом поздравил меня с предстоящей публикацией (наверное, Лора ему рассказала), но расспрашивать о подробностях не стал, хотя я был бы рад с ним поделиться. Начинаясь метель, и я подумал, что дороги занесет снегом и возвращаться домой будет трудно, но отказаться от приглашения не смог.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ирангейт, скандал Иран-контрас, – политический скандал в США в середине 1980-х гг., связанный с участием администрации США в тайных поставках оружия в Иран и финансированием никарагуанских повстанцев-контрас. Расследование велось с ноября 1986 г. по июль 1993 г. и завершилось публикацией отчета в январе 1994 г.

2

Джессика Маклюр Моралес (р. 1986) упала в колодезь вентиляционной шахты 14 октября 1987 г.; операция по спасению ребенка длилась почти двое суток и непрерывно транслировалась по новостному каналу Си-эн-эн.

3

Билл Фризелл (р. 1951) – американский гитарист, композитор и аранжировщик, работающий в различных стилях, от классики и джаза до прогрессивного фолка и кантри.

Сесил Тейлор (р. 1929) – американский пианист и поэт, один из основоположников фри-джаза.

Sonic Youth – нью-йоркская группа экспериментального и шумового рока, основанная в 1981 г.

4

«Макс, любовь моя» (Max, Mon Amour) – фильм о любви жены английского дипломата к шимпанзе по кличке Макс, снятый в 1986 г. режиссером Нагисой Осима и представленный на Каннском кинофестивале.

5

У. Шекспир. Макбет. Акт V, сцена 5 (перев. М. Лозинского).

6

Статлер и Уолдорф, персонажи юмористической телепрограммы «The Muppet Show» (1976–1981).

7

«Larry King Live» – популярная телепрограмма на канале Си-эн-эн с 1985 по 2010 г.; в каждом выпуске ведущий, Ларри Кинг, брал интервью в прямом эфире у видных политиков, бизнесменов, актеров и прочих знаменитостей.

8

Заключительная реплика Рика Блейна (Хамфри Богарт) в фильме «Касабланка» (1942).

9

Книга, опубликованная в 1980 г. («Michelle Remembers») канадским психиатром Лоренсом Паздером со слов его пациентки (впоследствии жены) Мишель Смит.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chirovici_e/kniga-zerkal

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)